

РАМОЧНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПОВЕСТИ «ВЕСЕЛЫЙ СОЛДАТ»

В. П. АСТАФЬЕВА
Михайлушкина О. А.

*Михайлушкина Ольга Александровна – старший преподаватель,
кафедра русского языка,
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград*

Аннотация: рассматриваются рамочные компоненты повести «Веселый солдат», формирующие неоднозначность восприятия образа главного героя и ключевой ситуации сюжета.

Ключевые слова: русская литература, рамочные компоненты, В. П. Астафьев, военная литература.

Повесть В. П. Астафьева «Веселый солдат» (1998) представляет перед читателем картину послевоенной жизни нашей страны, увиденную глазами человека, молодость которого прошла на фронте. Автобиографическое начало, неоднозначность авторской презентации и оценки личности главного героя повести делают образ ярким и запоминающимся.

Посвящение усиливает автобиографический подтекст повести, воскрешая в сознании образы ушедших детей писателя: «Светлой и горькой памяти дочерей моих Лидии и Ирины» [1, с. 3]. Повествование от первого лица также развивает исповедальное начало произведения, в котором воспоминания представлены «из настоящего, в котором к ним прикасается «я»-повествователь» [4, с. 17]. Устремленность авторского взгляда в прошлое акцентирует «минорное», лирическое звучание произведения, полемизируя с «мажорным», веселым настроением заглавия.

Заглавие же реализует «формулу узнавания» главного героя (Л. Гинзбург). Благодаря данной «формуле» образ главного героя в повести представлен с двух сторон: социальной и морально-психологической, фиксирующей оценочный компонент. Социальная характеристика закреплена за словом «солдат», формирующим в сознании читателя образ рядового военнослужащего. Так как автор дает своему «солдату» определение «веселый», можно предположить, что герой доволен службой, по-видимому, молод и неотягощен житейскими проблемами.

Однако эта веселость входит в полемику с эпиграфом повести: «Боже! пусто и страшно становится в Твоем мире!». Данные строки принадлежат произведению «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) Н. В. Гоголя, которые, наряду с тревожными мыслями о современном классическом мироустройстве, соединили в себе «надежду на всеобщее нравственное выздоровление» [2, с. 136], возвращение к вечным ценностям бытия. Надежда на возвращение к потерянному позволяет уйти от пессимизма автора в изображении жизненных явлений: герой Астафьева все же победитель. В поздней прозе художника победитель не столько «в смысле победы над врагом, но скорее - над обстоятельствами» [5, <http://magazines.russ.ru/october/2002/7/remiz.html>].

Сопричастность, ощущение личной ответственности за настоящее и будущее Родины характерны и для «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя, в основе которых заложены «нравственные цели» [3, с. 325], и для повести современного прозаика, начинающейся словами классика XIX столетия. Так, Астафьев не считает нужным искажать действительность, реалии советской жизни. Не желая вводить читателя в заблуждение, автор выбирает исповедальную тональность «я»-повествования, которая позволяет с откровенностью изобразить послевоенную жизнь.

Нравственный потенциал эпиграфа с его сакральным обращением к Богу смещает положительную доминанту заглавия на второй план, показывая, что за «веселостью» солдата скрыты печаль и одиночество человека в равнодушном, «обезбоженном» мире. Подобное мировосприятие характерно и для романа Астафьева «Прокляты и убиты» (1992-1994). Рассматриваемая повесть вместе с произведениями «Так хочется жить», «Обертон» и рассказами 1990-х гг. развивает главные темы романа и образует своеобразную третью часть, которая не была написана художником.

Продолжая военную тематику романа «Прокляты и убиты», повесть «Веселый солдат» представляет читателю ситуацию, в которой автор-повествователь, однажды на фронте нарушив гармонию мироздания, чувствует, что и он оказался среди тех, кто землю сделал «пустой и страшной». Одним выстрелом убив на поле боя своего противника, он платит за эту снайперскую меткость страданиями послевоенной жизни своей семьи. Этим эпизодом из фронтовой биографии автора-повествователя открывается и заканчивается повесть-исповедь, подчеркивая его смысловую и композиционную значимость: «Четырнадцатого сентября одна тысяча девятьсот сорок четвертого года я убил человека. Немца. Фашиста. На войне» [1, с. 3].

В сознании героя повести именно события, произошедшие в конце войны, закрепляются в памяти на долгие годы, подтверждая мысль о том, что победа на фронте всегда оплачивается ценой человеческих жизней. Благодаря этому акцентуализируется общечеловеческая заповедь: «не убий», которую в условиях военных действий вынужденно, но все-таки нарушает герой повести. Недаром на смену радости от меткого попадания (след от пули «был аккуратен» [1, с. 8]) к молодому солдату (действительно, молодому: в те дни автору-повествователю двадцать лет) приходит задумчивость: рассматривая убитого им фашиста, герой Астафьева замечает, что немец «походил на кого-то из моих близких» [1, с. 8].

Ситуация раздумья над поверженным врагом в повести «Веселый солдат» оказывается личным, глубоко потаенным воспоминанием для повествователя: осознавая совершенный грех, он рассматривает происходящие в мирное время трагедии в качестве своеобразной расплаты.

Согласиться с принципом «если не ты его, так он бы тебя» солдат Астафьева не может, и потому заглушает собственные страдания напускной веселостью. Он и кажется персонажам повести веселым: «рот не закрывался, все хохотал, пел и выражался тоже», – вспоминает боевого друга Ширинкин [1, с. 89]. Однако данная характеристика отгесняется на второй план самохарактеристикой героя, еще в Сталинграде заметившего: «слыл я уже “веселым солдатом”, но я был не веселым, взвинченным был» [1, с. 49]. Это признание срывает маску шута и углубляет образ главного героя, который воспринимается уже как человек размышляющий и страдающий, а не просто «веселый солдат», встречу с которым обещает читателю начало произведения.

Рефлексирующее сознание повествователя опровергает заявленную в заглавии эмоциональную доминанту. Это обусловлено тем, что любая война – согласно традиции Л. Н. Толстого – «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие» [6, с. 7], разрушающее основы бытия. Влияние, оказанное войной, на жизнь автора-повествователя оказывается неизгладимым. В финале повести перед читателем предстает фигура немолодого писателя, мысленно постоянно возвращающаяся к событиям 1944 года. К тому времени, когда его переполняла надежда на послевоенное счастье, однако одолеть фашиста не означало победить трагедии и горести жизни. Осознание губительного начала войны и порождает у героя ощущение пустоты и одиночества, справиться с которыми помогает лишь прекрасный дар «любить и плакать» [1, с. 91].

Список литературы

1. *Астафьев В. П.* Веселый солдат / В. П. Астафьев // Новый мир, 1998. № 5-6. С. 3-58; С. 3-91.
2. *Жаравина Л. В.* А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь: философско-религиозные аспекты литературного развития 1830-1840-х годов. / Л. В. Жаравина. Волгоград: Перемена, 1996. 215 с.
3. *Крупчанов Л. М.* Н. В. Гоголь и Россия. Два века легенды / Л. М. Крупчанов. М.: Издательство МПГУ, 2011. 502 с.
4. *Кучина Т. Г.* «Я»-повествователь как «ненадежный» читатель автобиографического претекста в русской прозе конца XX- начала XXI вв. / Т. Г. Кучина // Филологические науки, 2007. № 2. С. 14-21.
5. *Ремизова М.* Война внутри и снаружи [Электронный ресурс] / М. Ремизова // Октябрь, 2002. № 7. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2002/7/remiz.html>
6. *Толстой Л. Н.* Война и мир. Книга вторая. Т. 3-4. / Л. Н. Толстой. М.: АСТ: Астрель, 2012. 704 с.
7. *Фесенко О. П.* Эпистолярный текст: жанр, стиль, дискурс / О. П. Фесенко // Вопросы филологии. 2008. № 3. С. 12-21.